

М.В. Локосова

Отражение ключевых принципов философии процесса в терминологии А.Н. Уайтхеда

Локосова Мария Вячеславовна – младший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: mvlok@yandex.ru

Вниманию читателей предлагается перевод третьей главы «Производные понятия» центральной работы А.Н. Уайтхеда «Процесс и реальность» (1929), в которой автор дает последние штрихи к основам философии процесса (философии организма), изложенным в первых двух главах трактата, уже переведенных на русский язык. В третьей главе сделан акцент на таких категориях, как 'первичная природа Бога', 'творчество', 'общество' (соединение базовых элементов реальности), атомизм и непрерывность. Цель пояснительной статьи: выявление новаторского подхода Уайтхеда к образованию фундаментальных категорий реальности и опыта, – подхода, игнорирование принципов которого может существенно усложнить и исказить содержание его философии. Также в данном предисловии кратко рассмотрены принципы философии Уайтхеда в целом, такие как метафизичность и спекулятивность, наравне с радикальным эмпиризмом и реализмом его системы. Непротиворечивое сочетание этих традиционно противоположных в истории философии черт делает его систему одной из самых глубоких, новаторских и парадигмальных метафизик XX в.

Ключевые слова: А.Н. Уайтхед, философия процесса, постметафизика, категории, реализм, спекулятивное мышление, эмпиризм, опыт, Бог, онтология

Несмотря на жизнь кабинетного ученого и преподавателя, А. Уайтхед был настоящим авантюристом. Познание мира представлялось ему опасным и полным приключений идей, в конце которых он не рассчитывал добраться до нерушимых истин, найдя смысл в самом процессе их формулирования. Главным свидетельством его «приключений» стала работа «Процесс и реальность», вышедшая в 1929 г., в которой философия процесса, или философия организма, как называл ее сам Уайтхед, приобрела строгие черты одной из самых плодотворных метафизических систем XX в. После разработки новых направлений в математике, логике и физике, Уайтхед задумал «разработать язык, который подошел бы физике, психологии, физиологии и нашему эстетическому опыту в равной мере» [Whitehead, 1990, p. 300], взяв за основу словарь классической философии, биологии, а также других наук. В результате такого синтетического подхода родилась разветвленная схема больших и малых категорий, понятий, концептов, требований и принципов, которая может

претендовать на изменение оптики для всей современной философии, науки и религии. Однако билет на этот корабль синтетического знания стоит дорого, требуя скрупулезного разбора многочисленных правил и схожего набора интуиций. В конечном итоге мы вынуждены взывать к интуиции, как признает сам Уайтхед в начале своего путешествия. Вся исследовательская литература по философии процесса и немногочисленные переводы, в частности, на русский язык [Уайтхед, 1990; Уайтхед, 2007; Уайтхед, 2017], призваны немного облегчить путь к новому мирозерцанию, в котором процесс и есть единственная реальность.

Хотя в обилии правил и категорий философии процесса легко потеряться, в нем нет одного – аксиом и претензий на окончательную формулировку. Репутация Уайтхеда как логика и математика не подлежит сомнению, и, обратясь к философии, он увидел, что многовековое доминирование дедуктивного идеала именно этих наук, а также субъектно-предикатное строение грамматики языка, оказали на философию в конечном счете негативное влияние, из-за которого Платон в своем учении не смог дойти до формулировок философии организма. Эту историческую оплошность и исправляет Уайтхед, замышляя свою систему не как что-то новое, а просто как внимательное перечитывание того, что писали его предшественники – Платон, Аристотель, Ньютон, Декарт, и в особенности Локк и Юм. Но и его вариант, разумеется, не является окончательным, ибо незавершенность универсума, а также принципиальная недостаточность нашего языка и интуиций, делают даже самую строгую систему открытой и гипотетической. Поэтому любая философия, претендующая на ограниченную универсальность, вынужденно приобретает метафорические и спекулятивные черты.

Спекулятивность, проще говоря, умозрительность, а также интерпретация, по мнению Уайтхеда, – неотъемлемая часть нашего мышления, которая не только не закрывает нам доступ к реальности, а делает его продуктивнее, шире и глубже. Без некоторой доли спекуляции, «свободной игры воображения» мысль осталась бы там, где началась. В первой главе «Процесса и реальности» он пишет: «Идеал спекулятивной философии в том, что ее основополагающие понятия нельзя представить абстрагированными друг от друга. Иными словами, предполагается, что никакая сущность не может быть понята в полном отрыве от системы вселенной, и цель спекулятивной философии – проявить эту истину» [Whitehead, 1978, p. 3]. Уже в этой цитате заложена одна из главных особенностей мышления Уайтхеда, которая роднит его со Спинозой: порядок и связь идей те же, что порядок и связь вещей. Если держать в уме этот параллелизм идей и вещей, то многие тезисы и категории философии процесса становятся понятнее: то, что справедливо для принципов и понятий философской схемы, например, идеал согласованности и адекватности, справедливо и для сущностей в мире, которые не могут быть поняты в отрыве друг от друга. Игнорирование этого принципа заставляет исследователей Уайтхеда причислять его к самым разным направлениям: идеализму или реализму, эмпиризму или рационализму, панпсихизму или панобъективизму. Многие его термины, как, например, «актуальная сущность» (actual entity), «вечный объект» (eternal object), «схватывание» (prehension), «высказывание» (proposition), «общество» (society), «соединение» (nexus) и ряд других являются как онтологическими, так и гносеологическими категориями, отсылая как к вещам, так и к соответствующим им идеям. Любая единица рассмотрения имеет физический и ментальный полюсы, о чем кратко пишет Уайтхед в конце приведенной ниже третьей главы. Старый вид терминов, используемых в классической философии, – это чисто умозрительные, высокоуровневые абстракции, которые имеют только ментальный полюс, неизбежно теряя связь с реальным миром и опытом. Мыслить без абстракций невозможно, однако, как подчеркивает И. Стенгерс, которая посвятила философии процесса немало работ, «для Уайтхеда проблема не в абстрактном мышлении, а в нашем способе

абстрагирования, нашем способе интерпретации, при котором одни аспекты опыта имеют значение, а другими пренебрегают» [Stengers, web]. Абстракции классического образца подменяли опыт, потеряв свой векторный характер, т.е. ощущение связи с источником. Соответственно, Уайтхед, несмотря на то, что его категории являются метафизическими понятиями, ставил задачу сконструировать новые более чуткие абстракции, которые избегали бы «ошибки подмены конкретного» и живого опыта. Он задался традиционным философским вопросом: «Как может конкретный факт демонстрировать абстрактные, но все же причастные его природе, сущности?» [Whitehead, 1978, p. 20; Уайтхед, 2017, web].

Ключ к ответу на этот вопрос и на другие традиционные философские проблемы Уайтхед видел в обращении к реальному опыту субъекта, предлагая нам взглянуть на него еще раз, не доверяя тем выводам, которые сделали британские эмпиристы или немецкие идеалисты. Эмпиристы и идеалисты смотрят на опыт как на исключительно чувственный, познавательный и субъективный акт, который первые берут за основу, а вторые отвергают в поисках чего-то объективного и сверхчувственного. Уайтхед считает, что те и другие воспринимают опыт неоправданно узко: «Мы не можем искать и выбирать. Для нас алое зарево заката в той же мере должно быть частью природы, что и молекулы, электрические волны, посредством которых люди объяснили бы явления» [Whitehead, 1920, p. 29]. Исходный опыт гораздо шире, чем «ясная и отчетливая» идея существования *cogito* или неинтерпретируемые эмпирические данные: он включает в себя, с одной стороны, множество субъективных форм восприятия – эмоции, оценки, побуждения и пр., а с другой – предметов восприятия, будь то избитый образ физического стула или образ Богородицы. Любые гносеологические и онтологические ограничения опыта дают искаженную, редуцированную картину, что приводит либо к солипсизму, либо к скептицизму. Поэтому в основу своей философии Уайтхед кладет единое событие опыта, которое называет, быть может, немного старомодно, – ‘актуальной сущностью’, представляющей собой «процесс ощущения объективированных данных, которые потом сливаются в единство одного индивидуального удовлетворения» [Whitehead, 1978, p. 40], превращая ее в законченный «суперъект» (*superject*). Бытием актуальной сущности является ее становление актуальной сущностью, став которой, она мгновенно гибнет как субъект, чтобы стать объективной частью становления других сущностей. Следовательно, под «сущностью» (*entity*) Уайтхед имел в виду не классическую неизменную природу или субстанцию вещи, а, наоборот, принцип беспокойства, брожения, нестабильности. Сущность для него – это узел взаимосвязанности [Whitehead, 1978, p. 28; Уайтхед, 2017, web]. Всю философию организма можно свести к «попытке описать мир как процесс порождения индивидуальных сущностей, каждая из которых обретает саму себя как абсолют» [Whitehead, 1978, p. 60]. Соответственно, мы можем охарактеризовать онтологическую модель Уайтхеда как плюрализм, но плюрализм неклассический, поскольку «монады» Уайтхеда открыты, предельно зависимы друг от друга, имеют две стороны – ментальную и физическую, а момент их завершенности – состояние «без окон» – означает смерть их субъективности. Каждая из актуальных сущностей является, как было уже сказано, абсолютom и точкой отчета для Вселенной, что отсылает нас к мистической формуле устройства Вселенной Николая Кузанского: «Центр везде – периферия нигде».

Понимание того, что актуальная сущность – это не субстанция, а процесс, единица опыта, а десятки новых категорий, вводимые Уайтхедом, описывают не включения ее бытия в мире становления, а зыбкое субъективное отражение всей Вселенной, которое только постепенно приобретает свои черты и границы, поможет посмотреть на философскую схему Уайтхеда не как на неоклассическую запоздалую метафизическую систему, а как на новаторское описание мира, требующее преодолеть разрыв между классическими философскими дисциплинами и течениями.

Например, несмотря на то, что его метафизику можно назвать спекулятивной, в меньшей степени она является эмпирической и реалистической.

Реализм Уайтхеда также основан на внимательном всматривании в наш непосредственный опыт. Например, перед нами лежит серый камень. Философы от Аристотеля до Канта выражали этот опыт так: «Этот камень серый» – и считали это адекватным выражением первичного познавательного акта. Но для Уайтхеда данное утверждение – сложная и производная абстракция, которая к тому же отражает скорее грамматику языка, чем описание реального чувственного опыта, а потому не может являться отправным пунктом метафизики. Конечно, мы воспринимаем камень через тело и органы чувств. Однако, во-первых, классические философы неосознанно редуцировали опыт субъекта до достаточно сложного чувственного восприятия, а его – до зрительного; во-вторых, даже в зрительном опыте человека, помимо камня и его свойств, присутствует ощущение реального объекта вне нас, который по времени воспринимается как предшествующий нашему акту зрения. Мы моргаем при вспышке яркого света не потому, что привыкли так делать, что бы ни говорил по этому поводу Юм. Смутное ощущение причинности и внешнего, независимого от нас мира – это не умозрительные ассоциации, а неотъемлемая часть любого опыта субъекта, которая затем кристаллизуется в виде четких теорий причинности и реализма. Насколько смутным и слабым ни было бы это ощущение – оно есть. Уайтхед категорически отрицает различие между событиями опыта и событиями, как они формулируются в теориях: разница только в степени ясности и отчетливости, которая возрастает к концу процесса познания и мала в его начале, в противоположность тому, что думал Декарт. Идя по его стопам, Уайтхед начинает процесс познания с анализа собственных ощущений: «Мир для меня – не что иное, как функционирование моего тела, обнаруживающее себя в моем опыте. Мир, таким образом, находится внутри этих функционирований. <...> И все же, с другой стороны, тело есть только единичное общество функций внутри универсального общества мира» [Whitehead, 1938, p. 225]. В этой цитате также чувствуется амбивалентность размышлений Уайтхеда, который, с одной стороны, следует Декарту и тоже отталкивается от опыта субъекта, но с другой – делает акцент на том, что Декарт фактически выбросил из своей теории опыта, – *realitas objectiva* – идее реальной вещи, которую ощущает субъект, находясь среди таких же познающих субъектов со своим опытом. В конечном счете, как пронизательно пишет Кунц, опыт трактуется Уайтхедом настолько широко, что становится неотличим от природы и мира в целом: «Мы наблюдаем взаимную имманентность потока опыта и внешнего мира» [Kuntz, 1984, p. 70].

Несмотря на то, что реализм и признание реальности в философии Уайтхеда неоспоримы, о чем недвусмысленно говорит название его основополагающего труда, сложно понять, что же такое реальное и реальность для него, поскольку Уайтхед посвящает почти все время описанию актуальности и ее приключений. Тем не менее после прочтения «Процесса и реальности» можно предположить, что, во-первых, реальное – это скорее реляционное, чем субстанциальное свойство. Во-вторых, с одной стороны, оно шире актуального, но, с другой, только актуальное реально в полном смысле слова. Хотя реальны не только актуальные сущности, но и вечные объекты или объекты прошлого, однако по факту существуют они только в актуальных сущностях, в процессах их становления. Только то, что причастно актуальности, может быть реальным. Крайне показательна для подтверждения данного тезиса фигура Бога в философии процесса. Бог Уайтхеда имеет две природы – первичную (*primordial nature*) и вторичную (*consequent nature*). Первичная природа Бога – это вместилище и исчерпывающая концептуальная оценка (*valuation*) божественным субъектом всей области вечных объектов, прообразом которых являются идеи (*forms*) Платона. Во вторичной природе Бога собран вклад в развитие мира всех уже

потерявших актуальность сущностей. Несмотря на то, что первичная природа вне времени, а вторичная является временной реакцией на мир, они существуют одновременно – образно говоря, линия вечности начинается тогда же, когда линия времени, и потому реальное существование прошлого или идей в первичной природе Бога всегда соседствует с развитием его актуальной, вторичной природы. Первичная природа Бога сама по себе не актуальна – это абстрактный Бог, который не может быть причиной, и в частности, причиной порядка потенциальных идей или условием всеобщего объективного бессмертия событий. Подробнее о роли и месте Бога в философии процесса можно прочитать в первом параграфе нижеприведенной третьей главы, а также в последней части «Процесса и реальности».

Второй параграф третьей главы посвящен категории 'общества' (society) – объединению актуальных сущностей, имеющих общие генетические характеристики и обладающих уже определенной долей устойчивости и порядка благодаря способности передавать эти характеристики. Если существование актуальных сущностей больше похоже на мгновенные вспышки и приравнивается некоторыми исследователями к квантовым событиям, то общества существуют во времени и могут менять свое местоположение, чего не могут делать отдельные актуальные сущности. Грубо говоря, Уайтхед называет обществами – личностными, структурированными, корпускулярными – вещи неорганической природы. Объекты же живой, органической природы можно в его системе называть «живыми обществами», но лучше «чувствующими телами» (animal body), так как несмотря на то, что даже актуальные сущности являются организмами в философии Уайтхеда, они отличаются по степени сложности организации, и социальный уровень организации проще, чем чувствующий, который является живым в полном смысле слова. Каждое общество рассматривается на фоне более широкого общества, и мы получаем своего рода мир-матрешку, причем все уровни обществ пронизывают друг друга, так что древний принцип метафизики «всё во всем» также работает в философии Уайтхеда.

В целом третья глава «Процесса и реальности» является дополнением и пояснением ко второй главе, в которой Уайтхед дает скелет своей системы – концентрированное изложение принципов, каждый из которых разъясняется на последующих сотнях страниц трактата. Те принципиальные моменты, которые не вошли во вторую главу, разрозненно даны в четырех параграфах третьей главы, поэтому людям, не знакомым с философской системой Уайтхеда, следует как минимум сначала обратиться к первым двум главам, так как войти с середины в столь сильно терминологически нагруженный текст сложно – книга «Процесс и реальность» не задумывалась автором как текст-ризома.

Главным испытанием при переводе текстов Уайтхеда считается его богатая и разветвленная терминология. Первые его переводы полны буквальных калек терминов, поскольку считается, что в русском языке очень сложно найти полноценные аналоги некоторым его понятиям. И это действительно так. Но граница, где перевод перестает быть переводом и читателю легче обратиться к оригиналу, у каждого исследователя и переводчика своя. Моя переводческая интуиция противится «переводу» prehension как «прегенции», nexus как «нексуса», primordial как «примордиального» и даже appetition как «аппетиции», несмотря на некоторую устоявшуюся историю таких вариантов. Я исхожу из убеждения, что не русский язык недостаточно хорош, а мы недостаточно познали его богатство, поэтому в меру своего знания языка и ориентируясь, прежде всего, не на традицию переводов тех или иных терминов, а на контекст самой работы Уайтхеда, я предпочитаю рисковать и не использовать калькированные слова там, где это считаю уместным. Тем не менее даже не вызывающие вопросов переводы терминов могут показаться странными в метафизической работе, поскольку Уайтхед, используя понятия из классической философии и различных наук, придает им существенно дополненное и измененное

содержание. Часто все не так, чем кажется: 'субъект' или 'сущность' Уайтхеда лишь отдаленно соответствует тому, что понимали под этими терминами в классической метафизике, а 'организм' в его системе – это намного более широкий термин, чем принято в биологии, и многое другое. Отсюда такое разнообразие зачастую противоположных интерпретаций философии Уайтхеда, но и ее плодотворность. Именно такие споры свидетельствуют о глубине и новизне его мировоззрения. Его невозможно уложить в прокрустово ложе традиционных или современных философских учений, поскольку работа, которую продельвает Уайтхед с текстами классических философов, настолько тонка, а система, которую он выводит из них, настолько многоаспектна, что ее сжатое и адекватное изложение становится нетривиальной задачей, требующей систематического подхода и изучения, и данный перевод – лишь небольшая часть мозаики, которую предстоит сложить тем, кто интересуется философией процесса всерьез.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Альфред Норт Уайтхед

Процесс и реальность: опыт космологии **Часть 1. Спекулятивная схема** **Глава 3. Производные понятия**

Параграф I

Безусловная концептуальная оценка всей множественности вечных объектов является первичным фактом творения. Это и есть «первичная природа» Бога. Благодаря ее полноте, объективация Бога в каждой производной актуальной сущности приводит к тому, что на каждом этапе сращения¹ производного случая степень значимости вечных объектов будет варьироваться. Вечные объекты, которые проникают в производные актуальные сущности актуального мира этого случая, получают дополнительную значимость. Однако независимо от того, проникнут вечные объекты в сущность или нет, они имеют определенную значимость, исходящую от Бога. Кроме как в Боге, вечные объекты, не реализованные в актуальном мире, будут считаться несуществующими для рассматриваемого сращения. Ибо реальная значимость требует функции сравнения – функции, которой обладают исключительно актуальные случаи². Божественный порядок сам является определенным положением дел, и поэтому он обуславливает творчество. Соответственно, возможность, которая выходит за рамки временного положения дел, получает реальную значимость при творческом продвижении. Бог является первичным творением, но описание его природы не исчерпывается ее концептуальной стороной. Его «вторичная природа»

¹ Сращение (conspicence) – термин для обозначения процесса становления (образования) актуальной сущности, в котором она из потенциального единства переходит в реальное. На этом пути актуальная сущность проходит несколько этапов, которые можно разделить лишь номинально, поскольку они происходят почти мгновенно, но их наличие призвано подчеркнуть, что даже такой малый объект, как актуальная сущность, является процессом. – *Примеч. пер.*

² Предполагается, что «актуальные случаи» синонимичны «актуальным сущностям», поскольку Бог здесь понимается как действующий, хотя в другом месте говорится, что «актуальные случаи» исключают Бога. Возможно, что при написании этой главы Уайтхед еще не определился с различиями между этими двумя терминами. – *Примеч. редактора английского издания.*

вытекает из физических схватываний производных актуальных сущностей (см. Часть V).

«Творчество» – это другое истолкование аристотелевской «материи» и современного понятия «нейтрального вещества». Но в нем отсутствует аспект пассивной восприимчивости «форм» или внешних отношений; это понятие чистой активности, обусловленной объективным бессмертием актуального мира, – мира, который никогда не бывает одним и тем же дважды, хотя в его состав всегда входит устойчивый элемент божественного порядка. Творчество лишено собственных качеств точно в таком же смысле, в каком их лишена материя Аристотеля. Оно является первоначальным понятием, обозначающим предельную степень обобщения актуальности. Ее нельзя охарактеризовать, потому что все характеристики будут более частными, чем она сама. Но творчество всегда проявляется в определенных условиях и поэтому описывается как обусловленное. Вневременное действие всеобъемлющей и не имеющей ограничений оценки является одновременно результатом творчества и его условием. Этот двойственный характер она разделяет со всеми творениями. Имея общий с творениями характер, она находится всегда в сращении и никогда не уходит в прошлое, а потому реагирует на мир, и эта реакция есть ее вторичная природа. Мы будем называть ее «Богом», так как созерцание нашей природы, переживающей реальные ощущения, исходящие из вечного источника всякого порядка, требует такой «субъективной формы» подкрепления и общинности, к которым стремятся все религии.

Функция творений, отвечающая за подвижный характер творчества, называется здесь «объективным бессмертием» актуальных сущностей. Бог обладает объективным бессмертием своей первичной и вторичной природы. Объективное бессмертие его вторичной природы будет рассмотрено позже (см. Часть V), сейчас же мы остановимся на его первичной природе.

Имманентность Бога в мире, в рамках его первичной природы, – это стремление к будущему, основанное на побуждении в настоящем. Побуждение – это и концептуальная оценка непосредственного физического ощущения, и стремление к реализации концептуально схваченного данного. Например, жажда есть непосредственное физическое ощущение, соединенное с концептуальным схватыванием ее утоления.

Побуждение³ – это фактическое положение дел, включающее в себя принцип беспокойства, который предполагает реализацию того, чего нет, или того, что только может быть. Непосредственный случай так обуславливает творчество, чтобы в будущем обеспечить физическую реализацию его ментального полюса на основании различных оценок, заложенных в его концептуальных схватываниях. Любой физический опыт сопровождается побуждением его продолжить или прервать, таково, например, побуждение к самосохранению. Однако происхождение нового концептуального схватывания следует объяснить отдельно. Жажда – это побуждение к различию, к чему-то значимому, почти тождественному, но все же обладающему определенной новизной. Это пример того, как на базовом уровне зарождается свободное воображение.

Как нереализованная абстрактная форма может быть значимой? В чем основа значимости? «Значимость» должна выражать некий реальный факт совместимости форм. Онтологический принцип можно выразить так: всякая реальная совместимость – это совместимость в формальном строении актуальности. Поэтому, если сохраняется некоторая значимость того, что во временном мире не реализовано, то

³ Ср. с «Монадологией» Лейбница. (В переводе Е.Н. Боброва [Лейбниц, 1982, с. 413–429] *appetitus* (*appetitio(n)*) переведено как «стремление». В работе «Теоретическая философия Готфрида В. Лейбница» Г.Г. Майоров вводит буквальный перевод – «аппетиция», посчитав, что в русском языке нет аналога [Майоров, 1973]. – *Примеч. пер.*)

она должна выражаться через факт совместимости в формальном строении вневременной актуальности. Но согласно принципу взаимосвязанности может существовать только одна непродуцируемая актуальность, не ограниченная своими схватываниями актуального мира. Такой первичный суперъект творчества достигает, в единстве своего удовлетворения, полной концептуальной оценки всех вечных объектов. Это первоначальный, базовый регулирующий фактор совместимости вечных объектов, от которого зависит творческий порядок. Он подгоняет все побуждения к концептуальной форме симпатий и антипатий, порождая значимость как таковую. Статус этого производящего актуального факта закрепляется под именем «первичной природы Бога».

Слово «побуждение» демонстрирует опасность, которая таится в специальных терминах. Она же таится в психологии, идущей от Фрейда. Ментальный полюс актуальностей привносит в них ощущения разной степени сложности в виде факторов. Базовыми операциями ментальности являются «концептуальные схватывания». Только их можно назвать операциями «чистой» ментальности. Все остальные ментальные операции являются «смешанными» в том смысле, что в них концептуальные схватывания объединены с физическими схватываниями физического полюса. «Смешанный характер» схватывания, возникающий вследствие объединения «чисто» физических и «чисто» ментальных схватываний, говорит о том, что «смешанное» ментальное схватывание является также «смешанным» физическим схватыванием и наоборот. Поэтому если мы говорим о «смешанном» схватывании, то не требуется пояснять, представляет ли оно собой изначально «ментальное» или изначально «физическое» схватывание, если этого специально не требует предмет обсуждения.

Специальный термин «концептуальное схватывание» полностью нейтрален и ни на что не намекает. Но такие термины крайне трудны для понимания, потому что не предполагают конкретных примеров. Соответственно, мы вынуждены искать эквивалентные термины, которые отсылают к хорошо известным фактам. Мы выбрали термин «побуждение», имеющий много примеров в нашем опыте, а также у более низких форм, таких как насекомые или растения. Но даже в человеческом опыте «побуждение» может стать разрушительным, если оно сильно превысит интенсивность базового уровня. Фактически мы говорим о чем-то очень близком к тому, что Бергсон называл «интуицией», – однако с некоторыми отличиями. «Интуиция» Бергсона – это действие смешанного характера, комплексное ощущение, появляющееся из синтеза концептуального и физического схватывания по правилам «категории концептуального возобновления» (4-е категориальное требование⁴). Похоже, что «интуиция» Бергсона совпадает по значению с термином «физическое намерение» из Части III этих лекций⁵. Также, по всей видимости, «интуиция» Бергсона абстрагируется от субъективной формы эмоции и намерения. Субъективная форма – неотъемлемый элемент понятия «концептуальное схватывание», как, впрочем, понятия любого схватывания. Она является необходимым элементом «физического намерения» (см. Часть III). Когда мы имеем дело с «чисто» ментальными действиями в их наиболее интенсивных вариантах, то следует использовать термин «видение». Концептуальное схватывание – это прямое видение некоторой возможности добра или зла – некоторой возможности того, как актуальности могут стать

⁴ Категории концептуального возобновления (Category of Conceptual Reproduction) нет в перечне категориальных требований, перечисленных в предыдущей главе. Вероятнее всего, Уайтхед изначально считает ее синонимичной категории концептуального обращения (Category of Conceptual Reversion), которая является 5-м категориальным требованием, хотя нигде это четко не оговаривается. Пояснений в оригинальном издании по этому поводу нет. – *Примеч. пер.*

⁵ См. Часть III, гл. 5. – *Примеч. пер.*

определенными. В данном случае мы не отсылаем ни к какой конкретной актуальности или конкретному актуальному миру. Введение «добра или зла» используется, чтобы включить в рассмотрение субъективную форму; слово «видение» в чистом виде абстрагировано в концептуальном схватывании от этого фактора. Если мы скажем, что первичная природа Бога является полнотой «побуждения», – мы придадим должное значение субъективной форме, но дорогой ценой. Если мы скажем, что первичной природой Бога является «интуиция», мы будем подразумевать вместе с ней некую «смешанную» ментальность, связанную с физическим схватыванием. Если мы назовем первичную природу Бога «видением», то это повлечет искаженный взгляд на субъективную форму, лишаящий ее тоски по конкретным фактам – не единичным фактам, а тоски по некой актуальности. В термине «видение» затемняется неполнота первичной природы Бога. Но одним из преимуществ термина «видение» является то, что оно более тесно связывает данное учение о Боге с философской традицией. Может быть, «предвидение» более надежный термин, чем «видение». Подведем итоги: «первичная природа» Бога абстрагируется от ведения дел с «единичными объектами» и поэтому свободна от «смешанных» интеллектуальных актов мышления, которые предполагают высказывания (см. Часть III). Это абстрактный Бог, оставленный наедине с самим собою. Фактически это только параметр Бога, лишенный актуальности.

Параграф II

Наш предварительный набросок не может обойтись без понятий «социальный порядок» и «личностный порядок». Термин «общество» здесь используется в значении соединения, имеющего социальный порядок, а «устойчивый объект» или «устойчивое творение» является обществом, чей социальный порядок принял особую форму «личностного порядка».

Соединение обладает социальным порядком, если: а) в каждой из включенных в него актуальных сущностей явно выражен общий элемент формы и б) этот общий элемент формы возникает в каждом члене соединения по причине условий, наложенных на него его схватываниями других членов соединения, и в) эти схватывания накладывают данное условие воспроизводства благодаря включению позитивных ощущений этой общей формы внутри соединения. Такое соединение называется «общество», а общая форма – это «определяющая характеристика» общества. Понятие «определяющая характеристика» имеет много общего с аристотелевским понятием «субстанциальная форма».

Общий элемент формы – это просто сложный вечный объект, представленный в каждом члене соединения. Но социальный порядок соединения – это не просто факт, демонстрирующий наличие общей формы у всех его членов. Общая форма воспроизводится во всем соединении благодаря генетическим связям членов соединения между собой, а также благодаря тому факту, что генетические связи содержат ощущения общей формы. Так определяющая характеристика распространяется на все соединение: каждый член получает ее от тех членов соединения, которые предшествовали его собственному сращению.

Соединение обладает «личностным порядком», если: а) является «обществом», б) генетическое родство его членов упорядочивает их «последовательно».

Под «последовательным упорядочиванием», возникающим благодаря генетическому родству, имеется в виду, что любой член соединения – исключая первый и последний, если таковые есть, – образует «отрезок» соединения, такой, что: а) этот член наследует все остальные члены только с одной стороны от себя, и никакие с другой; б) если А и В являются двумя членами соединения и В наследуется из А,

тогда сторона отрезка В, наследующаяся из В, составляет часть стороны отрезка А, наследующего из А, а сторона отрезка А, из которой наследуется А, составляет часть стороны отрезка В, из которой наследуется В. Таким образом, соединение образует одиночную линию наследования своей определяющей характеристики. Такое соединение называется «устойчивым объектом». Вполне законно оно могло бы быть названо «личностью». Но, к сожалению, слово «личность» предполагает концепцию сознания, поэтому его использование приведет к недопониманию. Соединение «поддерживает характер», а это одно из значений латинского слова *persona*. Но «устойчивый объект», *qua*⁶ «личность» есть нечто большее, чем поддержание характера. Ибо оно возникает из особых генетических связей между членами соединения. Обычный физический объект, имеющий временную устойчивость, представляет собой общество. В идеализированно простом виде он имеет личностный порядок и является «устойчивым объектом». Общество обычно раскладывается на множество пучков «устойчивых объектов». Это будет справедливо для большинства обычных физических объектов. Разложимые подобным образом устойчивые объекты или «общества» являются теми постоянными сущностями, которые переживают приключения, связанные с изменениями во времени и пространстве. Например, они изучаются в таком разделе физики, как динамика. Актуальные сущности гибнут, но не изменяются, они – то, что они есть. Соединение, которое а) обладает социальным порядком, б) разложимо на пучки устойчивых объектов, можно назвать «корпускулярным обществом». Общество может быть более или менее корпускулярным, в зависимости от того, насколько важны определяющие характеристики различных устойчивых объектов по сравнению с определяющей характеристикой всего корпускулярного соединения.

Параграф III

Существует распространенное заблуждение, что переход «становления» к новизне предполагает наличие уникальной последовательности. Таково классическое представление о «времени», которое философия переняла у здравого смысла. Человечество, однако, сделало неудачное обобщение из своего опыта восприятия устойчивых объектов. Недавно физика отказалась от этого представления. Соответственно, нам следует очистить космологию от точки зрения, которую она не должна была принимать в качестве первоначального метафизического принципа. В этих лекциях термин «творческое продвижение» не обязательно обозначает последовательный тип продвижения.

В итоге обычно считается, что протяженная непрерывность физической вселенной означает существование непрерывности становления. Но если мы допустим, что «нечто становится», легко доказать, используя метод Зенона, что непрерывность становления невозможна⁷. Существует становление непрерывности, но не существует непрерывности становления. Актуальные случаи – это творения, которые становятся и составляют непрерывно протяженный мир. Другими словами, протяженность становится, но само «становление» не является протяженным.

Итак, первоначальной метафизической истиной является атомизм. Творения атомарны. В нынешнюю космическую эпоху существует творение непрерывности. Возможно, такое творение является первоначальной метафизической истиной для всех космических эпох, но это совсем не обязательно. Более вероятно, что

⁶ В качестве (лат.). – Примеч. пер.

⁷ См. Часть II, гл. III, параграф II, а также мою работу «Наука и современный мир», гл. VII, в которых обсуждается этот аргумент.

протяженная непрерывность есть специфическое условие, рожденное обществом творений, которые образуют нашу эпоху. Но атомизм не исключает сложности и общей взаимосвязанности. Каждый атом – это система всех вещей.

Правильный баланс атомизма и непрерывности имеет важное значение для физической науки. Например, принципы, изложенные здесь, согласуют корпускулярную теорию света Ньютона с волновой теорией. Ибо и корпускула, и переходный элемент волнового фронта являются всего лишь постоянной формой, передающейся от одного атомарного творения к другому. Корпускула – это тоже «устойчивый объект». Однако понятие «устойчивый объект» может реализоваться с разной степенью полноты. Поэтому на разных стадиях его жизни волна света может быть более корпускулярной или менее. Ряд таких волн на всех стадиях своей жизни подразумевает социальный порядок, но на ранних стадиях он принимает более специальную форму слабо связанных пучков личностного порядка. С течением времени превалирование личностного порядка постепенно ослабевает. Его определяющие характеристики исчезают по мере того, как их различные особенности исчезают. Тогда, за отсутствием пучков личностного порядка, волны становятся соединением, в котором доминирует социальный порядок. Таким образом, ряд волн появляется как корпускулярное общество, а исчезает как общество уже не корпускулярное.

Параграф IV

И наконец, в изложенной здесь космологической схеме отрицается одно неявное допущение философской традиции. Оно гласит, что базовые элементы опыта должны быть описаны через призму одного или всех трех элементов: сознания, мышления, чувственного восприятия. Последний термин используется в значении «осознанного восприятия в виде непосредственного представления». На практике чувственное восприятие сужается до зрительного восприятия. Согласно философии организма, эти три элемента не являются обязательными элементами опыта, как физического, так и ментального. Любая единица опыта имеет два полюса, и неважно, будь это Бог или актуальный случай в мире. Бог возникает из ментального полюса, актуальный случай – из физического, но в любом из двух случаев эти элементы, а также сознание, мышление, чувственное восприятие и пр., принадлежат к производным «смешанным» этапам сращения, если они вообще входят в него каким-либо существенным образом.

Это отрицание будет нас регулярно возвращать к обсуждению статуса непосредственного представления в последующих частях этих лекций.

*Перевод с английского языка и примечания
М.В. Локосовой*

Список литературы

- Лейбниц, 1982 – *Лейбниц Г.В.* Монадология / Пер. Е.Н. Боброва // *Лейбниц Г.В.* Соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1982. С. 413–429.
- Майоров, 1973 – *Майоров Г.Г.* Теоретическая философия Готфрида В. Лейбница. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. 264 с.
- Уайтхед, 1990 – *Уайтхед А.Н.* Избранные работы по философии / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1990. 718 с.
- Уайтхед, 2007 – *Уайтхед А.Н.* Приключения идей / Пер. с англ. Л.Б. Тумановой. М.: ИФ РАН, 2009. 383 с.
- Уайтхед, 2017, web – *Уайтхед А.Н.* Процесс и реальность. Глава II. Категориальная схема / Пер. с англ. М. Локосовой // *Вопр. философии.* 2017. № 1. С. 168–179. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1566&Itemid=1 (дата обращения: 19.07.2024).

Kuntz, 1984 – Kuntz P. Alfred North Whitehead. Boston: Twayne Publishers, 1984. 167 p.

Stengers, web – Stengers I. Whitehead and Science: from Philosophy of Nature to Speculative Cosmology. URL: <https://www.mcgill.ca/hpsc/files/hpsc/Whitmontreal.pdf> (дата обращения: 19.07.2024).

Whitehead, 1920 – Whitehead A.N. Concept of Nature. Cambridge: Cambridge University Press, 1920. 224 p.

Whitehead, 1938 – Whitehead A.N. Modes of Thought. New York: The Macmillan Company, 1938. 187 p.

Whitehead, 1978 – Whitehead A.N. Process and Reality. An Essay in Cosmology. New York: The Free Press, 1978. 434 p.

Whitehead, 1990 – Whitehead A.N. Letter to T. North Whitehead dated March 7, 1 928 // Lowe V. Alfred North Whitehead: The Man and His Work. Vol. II. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1990. P. 279–345.

Reflection of the Key Principles of Process Philosophy in the Terminology of A.N. Whitehead

Maria V. Lokosova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: mvlok@yandex.ru

Appendix:

Alfred North Whitehead. Process and Reality. An Essay in Cosmology Part I. Charter III. Some Derivative Notions

Translation and commentaries by Maria V. Lokosova

Readers are invited to the translation of the third chapter of the central work of A.N. Whitehead “Process and Reality” (1929), in which the author gives the final fundamental touches to the foundations of the process philosophy (philosophy of the organism), which he outlined in the first two chapters of this work, already translated into Russian. The third chapter touches on many aspects of all subsequent chapters, focusing on such categories as ‘the primary nature of God’, ‘creativity’, ‘societies’ (connections of the basic elements of reality), atomism and continuity. The purpose of the explanatory article is to identify Whitehead’s innovative approach to the formation of fundamental categories of reality and experience, ignoring the principles of which can significantly complicate and distort the content of his philosophy. It also briefly discusses the principles of Whitehead’s philosophy in general, such as metaphysics and speculativeness, along with the radical empiricism and realism of his system. The consistent combination of these traditionally opposing features in the history of philosophy makes his system one of the most profound, innovative and paradigmatic metaphysics of the 20th century.

Keywords: A.N. Whitehead, process philosophy, post-metaphysics, categories, realism, speculative thinking, empiricism, experience, God, ontology

References

Kuntz P. *Alfred North Whitehead*. Boston: Twayne Publishers, 1984. 167 p.

Leibniz G.W. *Monadologija* [Monadology], trans. by E.N. Bobrov. In: Leibniz G.W. *Sochinenija*: v 4 t. [Works in 4 vol.], vol. 1. Moscow: Mysl’ Publ., 1982, pp. 413–429. (In Russian)

Majorov G.G. *Teoreticheskaja filosofija Gotfrida W. Leibniz’a*. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta Publ., 1973. 264 p. (In Russian)

- Stengers I. *Whitehead and Science: from Philosophy of Nature to Speculative Cosmology*. Available at: <https://www.mcgill.ca/hpsc/files/hpsc/Whitmontreal.pdf> (accessed: 19.07.2024).
- Whitehead A.N. *Concept of Nature*. Cambridge: Cambridge University Press, 1920. 224 p.
- Whitehead A.N. *Izbrannye raboty po filosofii* [Selected Works on Philosophy], trans. from English. Moscow: Progress Publ., 1990. 718 p. (In Russian)
- Whitehead A.N. Letter to T. North Whitehead dated March 7, 1928. In: Lowe V., *Alfred North Whitehead: The Man and His Work*, vol. II. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1990, pp. 279–345.
- Whitehead A.N. *Modes of Thought*. New York: The Macmillan Company, 1938. 187 p.
- Whitehead A.N. *Priklyuchenija idej* [Adventures of Ideas], trans. by L. Tumanova. Moscow: RAS Institute of Philosophy Publ., 2009. 383 p. (In Russian)
- Whitehead A.N. *Process and Reality. An Essay in Cosmology*. New York: The Free Press, 1978. 434 p.
- Whitehead A.N. Process i real'nost'. Glava II. Kategorial'naya skhema [Process and Reality. Categorical Scheme], trans. by M. Lokosova. *Voprosy filosofii*, 2017, vol. 1, pp. 168–179. Available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1566&Itemid=1 (accessed: 19.07.2024) (In Russian)